

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

УНЦИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВИЗАНТИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Историю письма в Византийской империи принято разделять на два больших периода; в течение первого, охватывающего IV—VIII вв., в качестве книжного письма употребляется унциал, а в течение второго, следующего за первым и тянущегося вплоть до 1453 г., в качестве книжного письма господствует минускул.

Число минускульных рукописей значительно превосходит число унциальных. Общее число сохранившихся до нашего времени византийских рукописей достигает приблизительно 30 тысяч¹; унциалы составляют среди них очень небольшой процент — их никак не более 500².

В унциальных рукописях преобладают библейские тексты (как Ветхого, так и Нового завета)³. Не будет преувеличением сказать, что вся византийская литература предстает перед нами в рукописях, написанных минускулом; средневековые списки произведений античных авторов также написаны минускулом. По этой причине, а также и потому, что минускул представляет больше трудностей при прочтении, в литературе по истории греческого письма в средние века унциалу уделяется меньше внимания, чем минускулу. Меньше и число образцов унциального письма, представленных в сборниках средневековых греческих рукописей⁴.

¹ По подсчетам П. Мааса — 20 тысяч. См. P. M a a s. Griechische Paläographie. — V. A. G e r c k e und E. N o r d e n. Einleitung in die Altertumswissenschaft. 3. Aufl. Bd. I, Heft 9. Leipzig und Berlin, 1927, S. 69—81. А. Дэн (см. A. D a i n. La transmission des textes littéraires classiques de Photius à Constantin Porphyrogénète. — DOP, VIII, 1954, p. 31—47) называет цифру в 25000. Мы считаем возможным увеличить эту цифру за счет фрагментов (они не всегда учитываются в хранилищах в качестве отдельных единиц) и за счет смытых текстов в палимпсестах, которые, на наш взгляд, так же должны рассматриваться как самостоятельные памятники. Мы полагаем, что 30000 есть предельная цифра.

² Скорее 350—400. Но по указанным в прим. 1 причинам мы считаем возможным назвать максимальную цифру.

³ Например, из 20 унциальных рукописей IV—VI вв., которые перечисляет в своей книге Р. Дэвресс, всего 4 содержат светские тексты. См. R. D e v r e e s s e. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, pp. 24—25.

⁴ См., например, следующие издания: В. Н. Б е н е ш е в и ч. Памятники Синая археологические и палеографические, II СПб., 1912; Collezione Fiorentina di facsimili paleografici greci e latini illustrati da G. Vitelli e C. Paoli. Firenze, 1884—1897; P. F r a n c h i d e' S a v a l i e r i et Joh. L i e t z m a n n. Specimina codicum graecorum Vaticanorum. Vonnae, 1910 (второе издание мне недоступно); Ch. G r a u t et A. M a r t i n. Facsimiles des manuscrits grecs d'Espagne, texte et atlas. Paris, 1891; Н. О м о н т. Facsimiles des plus anciens manuscrits grecs en onciale et en minuscule... de IVe au XIIe siècle. Paris, 1892; С а в в а епископ Можайский. Specimina palaeographica codicum graecorum et slavonicorum Bibliothecae Mosquensis Synodalis saec. VI—XVII. Москва, 1863; архим. А м ф л о х и й. Палеографическое описание греческих рукописей IX и X века определенных лет. т. I. Москва, 1869; W. W a t t e n b a c h. Scripturae graecae specimina in usum scholarum.... Berlin, 1887 (есть еще издания 1877 г. и 1881 г.;

Мы, однако, полагаем, что период употребления унциала в качестве книжного письма является весьма важным в истории письма и книги в Византийской империи и заслуживает более внимательного рассмотрения, чем это обычно принято.

Число унциальных рукописей, находящихся в хранилищах Советского Союза, достигает 150 единиц (цельных кодексов, фрагментов разной величины и смытых текстов в палимпсестах). Таким образом, мы располагаем достаточным числом образцов византийского унциала — более чем третью всех сохранившихся до нашего времени памятников этого типа письма.

* * *

Итак, древнейший тип византийского книжного письма есть унциал, который представляет собой книжное письмо эллинистического времени, перенесенное из папирусного свитка на листы пергаменного кодекса⁵.

Название «унциал» для этого типа письма было впервые употреблено Монфоконом в его книге «Palaeographia Graeca», третья глава которой посвящена унциалу⁶. Как это письмо называлось в Византии, определено не установлено; существовало несколько названий: *στρογγύλος* (закругленный), (это название, по всей вероятности, применялось к тому виду унциала, для которого характерны овальные и угловатые формы букв), *καλόγραφον* (красивое, хорошее письмо) и *μεγαλόγραφον* (крупное письмо)⁷.

Современные греки называют унциал *μεγαλογράματος ρυθμός* или *μεγαλογραψία* (писание крупно)⁸. В трудах по русской и славянской палеографии унциал чаще всего называют уставом⁹.

В эллинистическое время употреблялось два типа письма — книжное письмо, характерной особенностью которого было стремление к четкости и красоте, и курсив, употреблявшийся для написания документов, писем, ученических тетрадей и т. п. записей; обычно курсив рассматривается как деловое письмо, отражающее стремление к быстроте, к экономии писчего материала и труда писца.

Византийский унциал представляет собой четкое, большей частью довольно крупное письмо, применявшееся для написания книг и литературных текстов и известное нам по рукописям IV—XII вв.

Это письмо маюскульное, т. е. письмо, определяемое двумя параллельными линейками и не выбрасывающее (точнее — почти не выбрасывающее) за пределы этих двух, мысленно проводимых, линеек никаких деталей, важных для определения отдельных букв¹⁰.

четвертое издание 1936 г. мне недоступно); А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—X вв. СПб., 1913.

⁵ C. H. Roberts. The Codex. — «Proceedings of British Academy», v. XL, 1954, p. 183—184, 197.

⁶ B. de Montfaucon. Palaeographia graeca sive de ortu et progressu litterarum. Parisiis, 1708.

⁷ V. Gardthausen. Die Namen der griechischen Schriftarten. — BNJb, III, 1922, S. 1—11.

⁸ Α. Παλιότης. Ὀδηγὸς καταλόγου χειρογράφων. Ἀθήναι, 1961, κεφ. 5 (Γενικὸν Συμβούλιον Βιβλιοθηκῆς τῆς Ἑλλάδος, 17). Α. Σιγαλάς. Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς Γραφῆς. Θεσσαλονίκη, 1934, κεφ. 3

⁹ См., например, следующие работы: В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 16; А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. Образцы греческого уставного письма по преимуществу IX—XI вв. СПб., 1913; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 158—164; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, глава I, и др. работы.

¹⁰ Об унциале см., например, V. Gardthausen. Griechische Palaeographie 2. Aufl. Bd. 2. Leipzig, 1913, S. 88—159; E. M. Thompson. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912, p. 198—217; B. A. van Groningen. Short Manual of Greek Palaeography. 2 ed. Leiden, 1955, p. 32—34; R. Devreesse. Introduction..., p. 22—30 и др. работы.

Историю развития унциала принято разделять на три периода:

1) Древнейший или старший унциал.

2) Младший или наклонный унциал; среди рукописей этого периода многие написаны остроконечным унциалом.

3) Литургический унциал.

Древнейший период существования унциального письма должен изучаться не только по пергаменным рукописям, но одновременно и по литературным папирусам. Работа эта только начата, так как между папирологией и изучением средневековых рукописей существует разрыв, который надлежит еще преодолеть палеографам¹¹.

Древнейший унциал известен по рукописям IV—VI вв. Характерны следующие его особенности: буквы стоят на строках прямо (наклон встречается редко); округлые буквы (o, σ, ρ, ε) образуют правильный круг; остальные буквы образуют квадрат или могут быть вписаны в квадрат; надстрочные знаки отсутствуют; из аббревиатур употребляются сокращения священных имен (так наз. *Nomina Sacra*), союза *καί*, буквы «υ» в виде горизонтальной черточки на конце строки. Орнаментация инициалов в рукописях этого периода только намечается.

Историю византийской книги принято начинать с рассмотрения трех древнейших кодексов Библии, написанных старшим унциалом — Ватиканского, Синайского и Александрийского. Два первых из них датируются IV в.; предполагается, что эти рукописи относятся к числу тех списков Библии, которые, по свидетельству Евсевия Кесарийского¹², были написаны в середине IV в. по распоряжению императора Константина для вновь создаваемых христианских церквей.

Ватиканский кодекс хранится в Ватикане, где он находился ранее, неизвестно. Позднее (возможно, в XII в.) письмо кодекса было подновлено¹³.

Синайский кодекс был найден К. Тишендорфом в монастыре св. Екатерины на Синае. В настоящее время большая часть кодекса хранится в Британском музее, а 43 листа — в Университетской библиотеке в Лейпциге. Три маленьких отрывка находятся в Гос. Публичной библиотеке в Ленинграде¹⁴.

Александрийский кодекс Библии датируется V в. Хранился в Александрии, а в 1627 г. патриархом Кириллом Лукарисом был подарен английскому королю Карлу I. В настоящее время находится в Британском музее¹⁵.

К тому же древнейшему периоду истории византийского унциала относятся широко известные иллюстрированные кодексы Библии, а именно Россанский и Синопский кодексы¹⁶, а также Сармисахлийское (*Codex N*) евангелие VI в., написанное на пурпурном пергамене серебром и золотом; хранится в Гос. Публичной Библиотеке в Ленинграде¹⁷. Эти

¹¹ В пределах Советского Союза хранится лишь небольшое число папирусов литературного содержания.

¹² *Eusebii Vita Constantini*, IV, 36 (PG, t. 20, col. 1185 A—B).

¹³ См. о нем: W. H. P. Hatch. *The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament*. Chicago, 1939, pl. XIV; C.-R. Gregory. *Textkritik des Neuen Testamentes*. Bd. I. Leipzig, 1900, S. 32—40.

¹⁴ Литература о Синайском кодексе обширна. См., например, следующие работы, где имеется библиография исследований о рукописи: H. Milne and T. C. Skeat. *Scribes and Correctors of the Codex Sinaiticus*. London, 1938; *The Codex Sinaiticus and the codex Alexandrinus*. Published by the Trustees of the British Museum. London, 1955. См. также нашу работу: Каталог греческих рукописей Ленинградских хранилищ, вып. I. Рукописи IV—IX вв. — ВВ, XVI, 1959, стр. 220, № 2.

¹⁵ См. *The Codex Sinaiticus and the Codex Alexandrinus*, pl. XVIII—XIX.

¹⁶ См. W. H. P. Hatch. *Op. cit.*, pl. XXVII, XXVIII.

¹⁷ См. Е. Э. Гранстрем. *Каталог греческих рукописей...*, вып. I, стр. 223, № 18.

роскошные рукописи представляют значительный интерес для истории искусства книги в Византии.

Из рукописей светского содержания, написанных старшим унциалом, отметим следующие:

1. «Венский список» Диоскорида VI в., написанный двумя писцами, один из которых пишет с легким наклоном вправо; рукопись снабжена рисунками растений и превосходной выходной миниатюрой с изображением самого Диоскорида. Датируется рукопись по имени Юлианы Аниции, дочери консула Флавия Аниция Олибрия (463—528), посвящение которой имеется в начале рукописи¹⁸.

2. Амброзианский кодекс «Илиады» Гомера V в.¹⁹

3. Рукопись Диона Кассия V в., хранящаяся в Ватикане под № 1288²⁰.

4. Отрывки из комедии Менаандра IV в., хранящиеся в Гос. Публичной библиотеке в Ленинграде²¹.

Во втором периоде истории унциала (VII—VIII вв.) чаще встречается остроконечное наклонное письмо. Этот период очень важен, так как именно в эти века складывается наиболее характерное для средневековья письмо — минускул. К сожалению, ввиду крайней скудости материала и почти полного отсутствия датированных памятников, наше суждение об унциале VII—VIII вв. может быть только общим²².

Последний период употребления византийского унциала относится к IX—XII вв. Это время господства так наз. литургического унциала, т. е. унциала, употреблявшегося для написания литургических текстов. Литургический унциал известен лучше всего, так как сохранилось достаточное количество его образцов, причем не только фрагментов, но и целых кодексов; имеются также и некоторые датированные рукописи²³.

Унциал выполнял роль не только книжного письма, но и курсива. Среди образцов этого вида унциала следует указать отрывок папируса юридического содержания, найденный на Синае²⁴, и отрывок математического трактата, известный под названием *Fragmentum mathematicum Vobiense*²⁵.

Нередко таким унциалом курсивного назначения писали схолии в рукописях учебного содержания, написанных минускулом, — письмо схолий должно было отличаться от письма текста.

В унциальном письме различают также так наз. «национальные типы», или «дукты», а именно: коптский, западноевропейский, грузинский и

¹⁸ Рукопись издана: *Codex Aniciae Julianae pictures illustratus, nunc Vindobonensis Med. Gr. I. Leyden, 1906 (=Codices Graeci e Latini photographice depicti duce Sc. de Vries, 10)*.

¹⁹ *Homeri Iliadis pictae fragmenta Ambrosiana; phototypice edita cura A. M. Ceriani et A. Ratti. Mediolani, 1905.*

²⁰ *Fr. de' Cavalieri et Jo. Lietzmann. Specimina codicum graecorum Vaticanorum. Bonnae, 1910, tab. 2.*

²¹ См. Е. Э. Гранстрем. *Каталог греческих рукописей...*, вып. I, стр. 220, № 1.

²² Образцы см. *W. H. P. Hatch. Op. cit., pl. XXXIV—XLIII.*

²³ См., например, *W. H. P. Hatch. Op. cit., pl. XLIV—LXXVI*, а также А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели. *Образцы уставного греческого письма по преимуществу IX—XI веков.* СПб., 1913.

²⁴ См. *Ch. Graux. Notes paléographiques. 2. L'onciale des fragments juridiques du Sinai.* — *«Revue de Philologie»*, V, 1884, p. 121—127; *V. Gardthausen. Griechische Paläographie. Bd. 2, S. 108—109*; *O. Lenzl. Zum Papyrus Bernardakis.* — *«Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte»*, Bd. III. *Romanistische Abtheilung*, H. 2, 1881, S. 233—237 (со снимком).

²⁵ *E. M. Thompson. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxford, 1912, pp. 211—212.* Унциалом «курсивного назначения» следует также считать унциал, которым написан фрагмент тропаря на глиняном черепке. См. статью *S. P é t r i d è s. Un tropeaire byzantin sur un fragment de poterie égyptienne.* — *EO*, 12, 3me Année, 1899—1900, p. 361—367.

праславянский²⁶. Первые три из указанных «национальных типов» византийского унциала не представляют собой какие-либо своеобразные типы (или дукты) греческого письма; возникновение их следует объяснять индивидуальной манерой писцов, привыкших писать коптским, латинским или грузинским письмом, а потому несколько видоизменяющих греческие буквы в соответствии с формами букв своего национального письма. Это соображение подтверждается происхождением и содержанием рукописей.

Среди рукописей «коптского» дукта цельных кодексов не сохранилось, за исключением одной двуязычной рукописи, написанной на коптском и на греческом языках; остальные памятники представляют собой фрагменты, не имеющие каких-либо указаний на их происхождение²⁷.

Все образцы «коптского» дукта византийского унциала датируются IV—VII вв. «Западноевропейский дукт» представлен двуязычными кодексами, содержащими параллельный текст на греческом и на латинском языках; рукописи эти написаны в западноевропейских монастырских скрипториях и относятся к VIII—IX вв.²⁸

«Грузинский дукт» представлен двумя евангелиями VIII и IX вв., найденными в грузинских монастырях; обе рукописи не имеют никаких указаний на их происхождение²⁹.

Перейдем к рассмотрению «праславянского типа» византийского унциала. Сам этот термин представляется нам неудачным, так как он применяется к письму греческих рукописей X и XI вв., когда уже существовала славянская письменность; следовательно, этот «праславянский» тип отнюдь не предшествовал славянскому письму. Можно лишь говорить о сходстве кирилловского устава некоторых рукописей (например, Остромирова евангелия) с письмом отдельных греческих рукописей, имеющих исключительно литургическое содержание³⁰. Никаких данных о происхождении рукописей «праславянского типа» не имеется. По мнению К. Вайцманна, эти рукописи происходят из Центральной Азии³¹.

²⁶ Эти «национальные типы» византийского унциала названы так, очевидно, по аналогии с «национальными типами» латинского письма. Любопытно отметить, что, хотя Маффеи и доказал непригодность термина «национальные типы латинского письма», однако, во всех руководствах по латинской палеографии эта классификация Мабильона сохраняется. См., например, О. А. Д о б и а ш - Р о ж д е с т в е н с к а я. История письма в Средние века. Изд. 2-ое. Л., 1936, стр. 88—141; V. N o v a k. Latinska paleografija. Beograd. 1952, pogl. IV. «Национальные дукты» византийского письма наиболее подробно рассматривает В. Гардтхаузен (V. G a r d t h a u s e n. Griechische Paläographie, Bd. 2, S. 257—261). См. также нашу работу: О связи кирилловского устава с византийским унциалом. — ВВ, III, 1950, стр. 218—229, где приведены образцы всех четырех дуктов.

²⁷ J. I r i g o i n. L'onciale grecque de type copte. — JOBG, VIII, 1959, S. 29—51; В. К. Е р н ш т е д т. Греческая рукопись коптского письма. — ЖМНП, май 1884. Отд. классич. филол., стр. 28; D. S e r r u y s. Contribution à l'étude des «canons» de l'onciale grecque. — «Mélanges Chatelain». Paris, 1910, p. 492—499.

²⁸ O. D o b i a š - R o z d e s t v e n s k a i a. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les Corbeiensis Leninopolitani. Leningrad, 1934, p. 102—103.

²⁹ См. Е. Э. Г р а н с т р е м. Греческие рукописи в собраниях Сов. Союза (дополнительные сведения). — ВВ, XI, 1956, стр. 285—291, где указана важнейшая библиография об этих рукописях.

³⁰ В нашей статье «О связи кирилловского устава с византийским унциалом», которую мы считаем неудачной, мысль о взаимоотношении между византийским унциалом и кирилловским уставом изложена недостаточно четко, что дало повод авторам некоторых рецензий на эту статью говорить о влиянии кирилловского устава на византийский унциал. Но в нашей статье нет речи о таком влиянии. Мы лишь полагаем, что термин «праславянский унциал» здесь неприменим, так как он прилагается к рукописям более позднего времени, чем возникло само славянское письмо. Речь идет не о влиянии одного письма на другое, а о внешнем сходстве между ними. См., например, J. I r i g o i n. Les manuscrits grecs 1931—1960. — «Lustrum», Bd. 7. Göttingen, 1963, p. 5—93 (ср. p. 40, 44).

³¹ К. W e i t z m a n n. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, S. 65. Anm. 381.

Мы полагаем, что само это понятие, как и термин, является заблуждением, возникшим вследствие плохого знания немецкими палеографами древних славянских и русских рукописей. Первым высказал мысль об этом «праславянском дукте» немецкий палеограф и богослов А. Шольц, отметивший, что многие греческие унциальные рукописи фракийского происхождения напоминают своим письмом древние славянские рукописи³².

В начале XIX в., когда писал А. Шольц, число известных древнеславянских рукописей было очень невелико; какие именно «славянские рукописи» имел в виду А. Шольц, неизвестно.

Сам термин «праславянский» (*praeslavisch*) ввел В. Гардтхаузен, который однако чрезвычайно осторожен в своих высказываниях по этому поводу³³. В. Градтхаузен указывает всего две рукописи, могущие служить образцами письма разбираемого дукта — Евангелие 980 г., написанное в Каппадокии, и Евангелие 995 г., происхождение которого неизвестно. Но немецкому палеографу были известны из славянских рукописей лишь немногие древние русские памятники, что и было отмечено И. В. Ягичем, «Указания на снимки в изданиях Саввы,— писал он,— относятся к русским текстам XI—XII вв., но в очень древних рукописях южнославянского происхождения, например, в отрывках Кирилла Иерусалимского, в листках Ундольского, а также в Саввиной книге, видны еще наклонения букв в правую сторону и овально сплюснутый остроугольный характер письма; то и другое очень напоминает греческий унциал IX столетия»³⁴.

К вышесказанному мы считаем необходимым добавить, что нельзя говорить о «праславянском» письме без определения, о каком именно из древних славянских алфавитов идет речь — пракириллическом или праглаголическом.

Поскольку именно глаголица является древнейшей славянской азбукой, поскольку именно она была изобретением Кирилла, постольку считать праславянским следовало бы тот греческий алфавит, который был положен в основу глаголицы, а не кириллицы.

Таким образом, «национальные типы» византийского унциала представляют собой случайное явление в истории греческого письма, число образцов этих «национальных» типов невелико (для грузинского — всего две рукописи), и (самое главное) они не оказали какого либо влияния на дальнейшее развитие унциального письма в Византии.

Итак, унциальный период в истории средневекового греческого письма принято рассматривать только с точки зрения последовательной смены одного вида этого письма другим или так наз. «национальных» его дуктов. Представленный таким образом, этот период выглядит малоинтересным и незначительным. Однако, с точки зрения историко-культурной, этот период заслуживает большего внимания, так как именно в течение IV—VIII вв. развились и сложились важнейшие особенности византийской книги.

---

³² A. Scholz. *Biblich-kritische Reise in Frankreich, der Schweiz, Italien, Palästina und im Archipel, in den Jahren 1818, 1819, 1820, 1821, nebst einer Geschichte des Textes des Neuen Testaments.* Leipzig und Sorau, 1823, S. XII—XIII.

³³ V. Gardthausen. *Griechische Paläographie*, Bd. 2., S. 244—262; В. Гардтхаузен. *Греческое письмо IX—XII веков.* СПб., 1911 (=Энциклопедия славянской филологии, вып. 3); E. M. Thompson. *An Introduction*, p. 214. Томпсон указывает еще несколько рукописей, являющихся образцами литургического унциала, иначе говоря, для Томпсона литургический унциал с наклоном вправо и заметной разницей между тонкими и толстыми штрихами букв является «славянским» (*Slavonic*) унциалом.

³⁴ В. Градтхаузен. *Греческое письмо...* стр. 50.

Унциальный период наступил непосредственно вслед за наиболее значительным событием в истории книги, которое произошло до изобретения печатного станка, а именно — после замены свитка кодексом³⁵.

Изменение формы книги и широкое применение нового писчего материала — пергамена, повлекли за собой изменения в структуре и составе книги, новые приемы в оформлении листа, в распределении текста на листе, в расположении иллюстраций. Пергаменный кодекс есть характерная форма средневековой книги; к началу IV в. нашей эры кодекс окончательно заменил собой прежнюю форму книги — папирусный свиток. В последующие века, вплоть до VIII в., происходит постепенная выработка приемов оформления средневековой книги, а также постепенная подготовка к замене унаследованного от эллинистической Греции книжного письма — унциала типичным средневековым письмом — минускулом.

Перейдем к описанию особенностей средневековой книги, выработанных в течение унциального периода ее существования.

1. Форма книги; тетради.

В течение II и III вв. нашей эры на смену папирусу приходит пергамен, получивший вскоре широкое распространение. Новый писчий материал, гибкий, а не ломкий, как папирус, изменил форму книги — на смену свитку пришел кодекс, книга современной формы. Изменение это повлекло за собой и другие нововведения. Из отдельных листов пергамента составлялись тетради, а из тетрадей — кодекс. Очень рано, уже в IV—V вв., определилось число листов, из которых обычно составлялась тетрадь византийской книги — это так наз. кватернион, т. е. тетрадь из четырех перегнутых листов или восьми полулистов. Установился и порядок складывания листов — каждая тетрадь начиналась и кончалась мясной стороной пергаменного листа, более светлой и гладкой, нежели сторона, обращенная наружу, к шерсти; мясной стороной тетрадь должна была открываться в середине³⁶.

В случае нарушения этого порядка складывания листов или в случае иного их числа в тетради следует предполагать, что данная рукопись — негреческого происхождения.

Разделение книги на тетради повлекло за собой нумерацию тетрадей, предшествовавшую современной пагинации. Номер тетради обычно ставили на первом листе и на обороте последнего листа каждой из них.

2. Разлиновка листа; распределение текста на листе; использование полей.

На папирусе полагалось писать только на лицевой стороне листа, где волокна растения образовывали как бы естественные линейки. Пергамен имеет другую фактуру, нежели папирус; пергамен надо было линовать, так как иначе строки не могли быть написаны ровно. Разлиновка листов унциальных кодексов обычно не бывает сложной. Но важнейшие приемы разлиновки и ее техника были выработаны византийскими писцами именно в это время. Обычно лист накальвали по краям и между этими уколами (точками от иглы или от кончика ножа) проводили линии острым орудием, так что с одной стороны пергаменного листа линейки оказывались углубленными, а с другой стороны — выпуклыми. Позднее системы разлиновки

³⁵ C. H. Roberts. The Codex. — «Proceedings of British Academy», v. XL, 1954, p. 169; K. Weitzmann. Illustrations in Roll and Codex. A study of the origin and method of text illustration. Princeton, 1947, p. 69.

³⁶ См. C.-R. Gregory. Les cahiers des manuscrits grecs. — «Comptes rendus de L'Académie des Inscriptions», 1885, p. 261—268; R. Devreesse. Op. cit., p. 20—21. Возможно, этот прием расположения пергамента связан с тем, что папирус обычно использовался только с его лицевой, более гладкой, стороны. По аналогии с гладкой стороной папирусного листа и гладкая сторона пергамента могла восприниматься как более красивая.

пергаменных листов бывали нередко очень сложными, в зависимости от происхождения и назначения рукописи ³⁷.

На листе пергамена текст распределялся иначе, чем в папирусном свитке, не имевшем полей. Когда читающий разворачивал папирусный свиток, перед его глазами открывалось лишь небольшое пространство, обычно — четыре столбца текста; столбцы располагались в ряд, один за другим. При появлении новой формы книги сперва сохранялась старая манера, т. е. текст писали на пергаменном листе в три или четыре столбца. Так написаны уже упомянутые выше Ватиканский и Синайский кодексы. Позднее пришли к выводу, что удобнее читать текст, расположенный в один или два столбца; именно таким образом, за очень немногими исключениями, написаны средневековые рукописи.

При разлиновке пергаменного листа выделялись чистые поля, обрамляющие текст с четырех сторон. Использование полей для разнообразных помет и указаний к тексту началось с IV в.; в дальнейшем этот прием оформления книги получил широкое распространение. В рукописях VII и VIII вв. на полях помещают колонтитулы, зачала, указания служб, когда надлежит читать тот или иной текст и т. д. ³⁸

3. *Применение разных шрифтов для текстов разного назначения и для разных частей одного и того же текста.*

Разделение письма на письмо деловое и книжное было, как уже сказано выше, известно писцам античности и эллинистического времени ³⁹. Но в рассматриваемом периоде это разделение шрифтов в соответствии с назначением текста пошло глубже. Выработан был также новый важный прием употребления разных шрифтов для отдельных частей текста. Именно таким путем достигалось четкое выделение заголовков, указателей и комментариев к основному тексту ⁴⁰.

В древнейших кодексах IV в. заголовки написаны тем же письмом, что и текст, а инициалы никак не выделены. В Александрийском кодексе V в. уже появляются несколько увеличенные и выдвинутые на левое поле инициалы. Но эта манера еще не была устойчивой, так как в некоторых других рукописях V в. инициалы по-прежнему не выделены ⁴¹.

В дальнейшем, в VI—VIII вв., прием выделения заголовков и инициалов развивается; уже в рукописях VII в. можно встретить орнаментированные инициалы.

Заголовки и колонтитулы, как и текст, писали унциалом. Однако, этот унциал несколько отличался от унциала, которым писали текст; в заголовках и колонтитулах встречается больше сокращений, а в формах букв замечается некоторое своеобразие. Это различие между письмом текста и письмом заголовков, возникающее в V—VI вв., в VIII в. предстает завершенным в своем развитии.

³⁷ См. Kirsopp and Silva L a k e. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200. I—X. Boston, 1934—1945; в каждом выпуске помещены чертежи разлиновки. Разлиновка листов может служить важным подспорьем для определения происхождения рукописей. См. J. I r i g o i n. Pour une étude des centres de copie Byzantins. «Scriptorium», t. 12, 1958, p. 208—227; t. 13, 1959, p. 178—209.

³⁸ См., например, G. W a t t e n b a c h. Scripturae Graecae specimina. Ed. altera. Berolini, 1883, tab. VII; H. O m o n t. Fac-similes des plus anciens manuscrits grecs onciales et en minuscule de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1892, pl. VI; W. H. P. H a t c h. Op. cit., pl. XXXIV, XXXVII—XLIII and oth. Об использовании полей для миниатюр и орнамента см. ниже, пункт 4.

³⁹ См. C. H. R o b e r t s. Greek Literary Hands 350 B. C.—A. D. 400. Oxford, 1956. Introduction.

⁴⁰ Эта важная особенность средневековой книги перешла из византийской письменности в славянскую, в армянскую и грузинскую. Разграничение шрифтов в зависимости от содержания и назначения текста сохраняется и в современной печатной книге.

⁴¹ См. The Codex Sinaiticus and the Codex Alexandrinus, pl. IV, VI, VII; H. J. M i l l e n e and T. C. S k e a t. Scribes and Correctors of the Codex Sinaiticus, Tables; W. H. P. H a t c h. Op. cit., pl. XVII, XXI, XXII.

Сокращения в заголовках специфичны и довольно стандартны, так как сокращались заглавия отдельных отрывков евангельского текста, предназначенных для чтения во время церковной службы, например, ἐκ τοῦ κατὰ Ματθαίου, ἐκ τοῦ κατὰ Λουκᾶ и т. п.

Не менее стандартными были и указания на дни церковного года и службы, когда надлежало читать тот или иной текст — Τῷ σαββάτῳ τῆς τετάρτης ἐβδόμαδος, τῇ παρασκευῇ τῶν νηστειῶν и т. п.

Эти указания выполняли чисто служебную роль, помогая быстро и легко ориентироваться в тексте, а потому и могли быть написаны сокращенно⁴². Однако разнобоя в сокращениях такого рода не допускалось, так как в противном случае они стали бы непонятными даже для профессионалов-священнослужителей.

Для схолий употреблялся мелкий беглый унциал, о котором уже упоминалось выше. Мелкий унциал отличается от унциала основного текста не только размером, но и меньшей тщательностью в написании деталей букв.

Поэтому этим видом письма можно было писать довольно быстро. Процесс письма вдобавок облегчался также свободно применяемыми сокращениями.

4. Миниатюры и орнамент в рукописях.

Применение различных шрифтов для различных частей текста сперва преследовало только цель наиболее рациональной организации книги, облегчения читателю поисков нужных ему глав текста. Ту же цель преследовали и первоначальные простейшие заставки, как, например, заставки в Синайском или Александрийском кодексах.

В. Н. Лазарев пишет, что «расцвет орнаментального искусства в монументальной живописи повлек за собой, естественно, и расцвет книжного орнамента. Именно в иконоборческую эпоху (т. е. еще в период господства унциала как книжного письма.— Е. Г.) были заложены основы византийской орнаментики, получившей такое блестящее развитие в X—XII веках»⁴³.

Живописный орнамент, украшающий листы лучших памятников византийской книги, получил позднее самостоятельное значение; поэтому выполняемая орнаментом функция разграничения отдельных частей книги современными исследователями истории византийской живописи в некоторых случаях не учитывается⁴⁴.

В папирусном свитке орнамента не было. Для свитка типичной была иллюстрация в столбце, с которым она образовывала некоторое неделимое целое. Пергаменный кодекс предоставлял больше возможностей для развития миниатюры, нежели пергаменный свиток. «Конечным результатом художественных возможностей кодекса было создание отдельной картины, занимающей целую страницу»⁴⁵. Однако, этот последний прием былработан уже в минускульной книге. В унциальной книге миниатюры помещались на полях, с любой стороны от текста, в чем следует усматривать сохранение традиции иллюминации свитка.

5. Ударения и придыхания.

⁴² Канонический текст священного писания сокращать было недопустимо — с точки зрения средневекового человека священное писание, «слово божие», было неприкосновенно, искажение его вело к ереси. См., например, V. G a r d t h a u s e n. Griechische Paläographie, Bd. 2, S. 426.

⁴³ См. В. Н. Л а з а р е в. История византийской живописи. т. I. М.—Л, 1947, стр. 67.

⁴⁴ См., например, Н. G e r s t i n g e r. Die griechische Buchmalerei, Bd. I. Text. Wien, 1926. S. 11—26; D. D i r i n g e r. The Illuminated Book, its History and Production. London, 1958, ch. II.

⁴⁵ К. W e i t z m a n n. Illustrations..., p. 104. (Здесь же см. о развитии иллюстраций в кодексе).

В течение унциального периода в византийских рукописях вводится регулярное употребление ударений и придыханий, из которых последние появляются раньше — в IV—VII вв., а ударения — несколько позднее — в VIII—IX вв.⁴⁶

6. *Специальные значки и знаки-символы, применение их в христианской письменности.*

Специальные значки, имеющие смысловое значение, и знаки-символы, выполнявшие функции, подобные функциям современных химических формул, были известны уже в глубокой древности и встречаются в папирусах. В течение унциального периода в византийской письменности происходило восприятие этих знаков христианской письменностью. Поясним нашу мысль примером. Древними комментаторами поэм Гомера была разработана система знаков, применявшаяся при критике текста этих поэм. Так, обелом (ὀβελός) отмечали стих, не принадлежавший Гомеру; звездочкой (ἀστέρισκος) указывали на подлинно гомеровский, по мнению комментатора, стих. Звездочка с обелом означала, что подлинный гомеровский стих помещен не в том месте, где ему надлежит находиться.

В IV в. Епифаний Кипрский (ок. 315—403) написал сочинение о весах и мерах в библейских книгах, в этом сочинении, между прочим, говорится и о знаках, применявшихся при критике библейских текстов, причем среди этих знаков были уже упомянутые обел и астериск. Одни знаки указывали на упоминание имени Христа, другие — на неясности в священном писании и т. д. В течение унциального периода подобные же знаки были применены для критики текста сочинений Григория Богослова, имевших столь важное значение для выработки основных положений христианской догматики. Так, астериском в рукописях этих сочинений отмечались места, где шла речь о рождении Христа, так как это событие (по словам комментаторов) было возведено волхвам звездой; знак ☉ , означавший в астрологических текстах «солнце», указывал на упоминание бога, так как «солнцем справедливости называется бог в божественных писаниях». Двумя начальными буквами слова φραῖο отмечались места, где речь была изукрашена или мысль расцвечена», а начальные буквы слова σπριῶσαι предупреждали читателя о том, что в данном месте содержится нечто противное догме.

7. *Состав книги и распределение отдельных ее частей.*

Папирусный свиток не мог заключать в себе больше 2—3 печатных листов текста; поэтому свиток, как правило, содержал какое-либо одно произведение или одну главу большого произведения, например, одну из песен «Илиады» или одно из Четырех евангелий. Собрания сочинений или антологии до возникновения книги в форме кодекса не были возможны⁴⁷. «В век сокращения культуры и падения грамотности, — пишет английский палеограф Робертс, — кодекс приобретает новую функцию, по меньшей мере — функцию антологии, по большей мере — функцию сохранения существенного минимума сочинений какого-либо автора. Видимо, известные издания избранных пьес трех греческих великих трагиков существовали с самого начала в форме кодекса. Действительно, число избранных пьес могло быть установлено в соответствии с объемом кодекса в III в.»⁴⁸.

⁴⁶ V. Gardthausen. Griechische Paläographie, Bd. 2, S. 381—394; R. Devesse. Introduction..., p. 29—30; И. М. Тронский. Древнегреческое ударение. М.—Л., 1962, стр. 15—23.

⁴⁷ Fr. Kenyon. Books and Readers in Ancient Greece and Rome. 2-nd ed. Oxford, 1951, p. 100. Слово ὁ μονόβιβλος означало произведение, которое умещалось в одном свитке. См. В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов. СПб., 1905, стр. 139, прим. 2.

⁴⁸ C. H. Roberts. The Codex, p. 203.

Кодекс среднего размера содержал приблизительно в шесть раз больше текста, нежели свиток⁴⁹; поэтому кодекс с самого начала своего существования приобрел функцию антологии, в кодексе сохранялся некоторый минимум сочинений одного автора. Включение в состав книги не одного, а нескольких произведений повлекло за собой составление перечней отдельных частей содержания книги. Возникли *оглавления* кодексов. Форма кодекса обусловила также перемещение *заглавия* в начало текста, тогда как в свитке заглавие помещалось в конце. Все эти изменения в структуре книги происходили постепенно. В древнейших кодексах заглавия находятся еще в конце текста или и в начале и в конце его (Синайский, Ватиканский и Александрийский кодексы).

* * *

Кроме изменений в оформлении и структуре книги в течение рассматриваемого периода византийской письменности произошла перестройка процесса производства книги. Как известно, в древности книги писали под диктовку в мастерской книготорговца, причем писцы обычно были рабами. В IV в. наряду с сохранением этой старой манеры переписки книг возникли монастырские скриптории, где монахи переписывали рукописи, копируя текст с лежащего перед глазами раскрытого листа, читая текст *про себя*, поскольку одной из главных добродетелей монаха почиталось молчание. Эта новая манера могла возникнуть лишь при использовании книги в форме кодекса.

Переписка под диктовку, вероятно, оставалась в употреблении на протяжении всего средневековья. Нам представляется, что в древности была в употреблении также и переписка текста, лежащего перед глазами писца. Применение той или иной манеры зависело от условий переписки, от назначения книги и от личности писца. Писец-ремесленник, работавший в мастерской предпринимателя-книготорговца, писал под диктовку, так как это был наиболее выгодный для хозяина способ производства книги. Под диктовку наставника писали также подлежащие изучению тексты учащихся. Но ученый или любитель литературы, которые переписывали текст для изучения или для чтения, словом, для своих личных нужд, могли писать, копируя тексты глазом. Переписанные таким образом рукописи не были задуманы как книги, но исполняли роль книги, поскольку до распространения книгопечатания не всегда можно было четко разграничить понятия «книга» и «тетрадь».

Далее, в течение унциального периода византийской письменности возникли скриптории средневекового типа. Видимо, первыми известными нам скрипториями были скрипторий при Александрийской библиотеке и императорский скрипторий в Константинополе. Сведения о скрипториях, особенно о светских, очень скудны. Несомненно только, что светские скриптории, как и светское образование, существовали на всем протяжении византийской истории.

Для средневекового скриптория характерна тесная связь с библиотекой, вернее, библиотека и скрипторий в средние века представляли собой нечто единое, были неотделимы друг от друга и связаны с высшей школой. Начало такого порядка можно видеть в церковных школах и церковных библиотеках раннего христианства. Существовали не только монастырские, но и светские скриптории и библиотеки, как, например, императорская библиотека, связанная с Константинопольским университетом, библиотека Нисибийской высшей школы и др.

В связи с появлением монастырских скрипториев и книг Священного писания, изменился также взгляд на труд писца, который раньше был

⁴⁹ С. Н. Roberts. The Codex, p. 201—202.

рабом в мастерской книготорговца или ремесленником, зарабатывавшим себе пропитание с помощью переписки. Писец же, который переписывал священное писание — книгу *κατ' ἐξοχήν*, «слово божие», совершал богоугодное дело, что и выражалось в характерных для средневековья формулах, которыми писцы любили заканчивать свой труд по переписке отдельных книг. В таких записях писцы обычно возносили благодарность богу за помощь при выполнении предпринятого писцом труда, называли себя грешными и ничтожными, обращали к будущему читателю просьбы об исправлении допущенных ошибок. Формулы этих записей общеизвестны.

Писцы-ремесленники продолжали переписывать книги на всем протяжении византийской истории, но сведений о них, относящихся к интересующему нас периоду, нет.

Перестройка процесса производства рукописной книги и выработка важнейших особенностей ее оформления необходимо должны были предшествовать обширным филологическим и энциклопедическим штудиям, предпринятым византийскими учеными IX и последующих веков, в особенности — работам по транслитерации минускульным письмом античных, эллинистических и ранних средневековых текстов, сохранившихся в унциальных кодексах. Унциальные рукописи, оригиналами которых были свитки папируса, постепенно выходили из употребления и заменялись минускульными рукописями⁵⁰.

Работа по транслитерации текстов не была простым механическим копированием текста; над текстом одновременно проводилась углубленная критическая работа. Рукописи, переписанные таким образом в скрипториях Константинополя, были как бы матрицами, с каковых надлежало делать копии. Таково было назначение многих рукописей Патриаршей библиотеки.

Но работа эта не была бы осуществимой без «технической базы», т. е. без отработанной, установившейся формы книги, без ряда технических приемов придания книге определенной структуры. Таковы перечисленные выше приемы использования полей на листе, разлиновки листа, применения различных шрифтов для отдельных частей текста, оглавления книг и т. д.

Таким образом, унциальный период византийской письменности был периодом создания средневековой книги, периодом, во время которого были разработаны важнейшие приемы построения возникшей перед началом этого периода новой формы книги — кодекса, сделавшие эту форму столь совершенной, что она сохраняется и в наши дни.

---

⁵⁰ К сожалению, процесс этот прослеживается с трудом, ввиду малого числа сохранившихся памятников. Однако в настоящее время существует уже немало работ по вопросу о транслитерации текстов, например, A. D a i n. *La transmission des textes littéraires classiques de Photius à Constantin Porphyrogénète.* — *DOP*, 8, 1954, p. 31—47; A. D a i n. *Les manuscrits. Nouvelle édition revue.* Paris, 1964, ch. III; T. W. A l l e n. *Palaeographica. III. A Group of Ninth-century Greek Manuscripts.* — «*Journal of Philology*», v. XXI, 1893, p. 48—55; M. B e r t h e l o t. *Collection des anciens alchimistes grecs. 2me livraison.* Paris, 1888, p. V—VI; B. H e m m e r d i n g e r. *Essay sur l'histoire du texte de Thucydide.* Paris, 1955 (Collection d'Études Anciennes publ. sous la patronage de l'Association G. Budé); *Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur, Bd. I. Antikes und mittelalterliches Buch- und Schriftwesen. Überlieferungsgeschichte der antiken Literatur.* Zurich, 1961, *passim*.